

ских сообществ в Европе усиливают противоречия между политиками Турции и их коллегами из Европы и США.

Большинство арабских соседей Турции также не разделяют ее представлений об Иране и, что более важно, рассматривают перспективу членства Турции в ЕС как увеличение ее влияния в регионе и за его пределами.

■ *Насколько успешно идет процесс развития общественных и политических наук в Турции? Есть мнение, что интеллектуальная жизнь Турции — это один-два крупных города... Если интерес к науке среди политического класса?*

За прошедшие пятьдесят лет турецкая система университетского образования значительно расширилась. Однако, провинциальные города все еще не в состоянии предложить такой же уровень интеллектуальной жизни, как мегаполисы. Общественные науки привлекают все больше внимания высших чиновников, неформальных лидеров, СМИ, а, значит, и общественности в целом. Научные центры получают все больше влияния и распространяются по стране.

Проблемы, однако, остаются. Большинство студентов привлекает профессиональное образование, инженерные или управленческие специальности, и университеты стараются отвечать на этот запрос. Что касается общественных наук (в особенности, гуманитарных), то они все же заслуживают большего внимания и привлечения к ним большего числа ресурсов, чем это есть сейчас.

■ *Насколько над турецко-российскими отношениями довлеет груз прошлых войн? Можно ли преодолеть болезненную историческую память во имя сотрудничества, или же страны обречены оставаться стратегическими оппонентами?*

У напряженных российско-турецких отношений есть исторические корни. В начале XVIII столетия обе страны пошли путем защитной модернизации. Расширение России в последующие два столетия за счет уменьшения территории Турции посеяло семя раздора в отношениях двух стран, которое росло на всем протяжении Холодной войны.

С начала 90-х годов прошлого столетия экономические отношения двух стран (торговля и инвестиции) развивались быстрыми темпами. Однако некоторые эксперты опасаются чрезмерной зависимости Турции от российских энергоносителей. Подозрения Москвы относительно связей турецкого правительства с мусульманскими группами в РФ были в значительной степени сглажены увеличивающимся коммерческим сотрудничеством между двумя странами. Несмотря на то, что существующие противоречия не так легко устранить, Россия и Турция продолжают свое сотрудничество. Это новое сотрудничество — уход от традиционной исторической враждебности. ■

*Дмитрий Узланер
специально для Ярославского Форума*

ГИБРИДНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ



ОЛЬГА МАЛИНОВА — политолог, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО. Почетный президент РАПН. Автор книг «Идентичность как фактор политики и предмет политической науки» (2005), «Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности» (2009)

Специально
для Ярославского Форума

Понятие «европейский незапад» вполне имеет право на существование. Россия на протяжении долгой истории осмысления себя по отношению к европейскому Другому многими представлялась как Европа — «тоже Европа» или «другая Европа» (православная, коммунистическая, Восточная и так далее). Но Россия никогда не мыслилась как Запад. Россия — это в значительной степени самостоятельный политический мир, и оборотной стороной его самостоятельности всегда будет недовключенность.

Сегодня мы живем в мире XXI века, где идентификация, выстроенная по принципу «или-или» утрачивает актуальность. **Современный мир устроен по принципу множественных шкал, по принципу гибридных идентичностей**, в нем можно в каких-то отношениях быть таким, как значимый Другой, и, в то же время, самобытным. Этот путь диверсификации шкал сравнения позволит России одновременно представлять себя такой же, как ее значимой Другой, и самобытно непохожей.

«Европейский незапад» — понятие культурное, и в ходе истории разные страны попадали в его ареал. Да-

же страны, которые сегодня воспринимаются как безусловно принадлежащие к «Западу», в свое время ставились под сомнение насчет того, западные ли они. Классический пример — Германия со своей философией «особого пути» (Sonderweg), которая, кстати, во многом повлияла на формирование аналогичных идей на российской почве. Это, в какой-то мере, Польша, Чехия. Безусловно, балканские страны. Необходимо включить в «европейский незапад» и Турцию.

Россия занимает в этом ряду особое место, не в силу того, что в других странах не было дебатов западников и славянофилов, а в силу того, что эти дебаты находились в центре общественной повестки дня и оформляли идеологические размежевания.

Консолидация европейского не-Запада на почве гибридных идентичностей мне кажется маловероятной. Основания, по которым перечисленные нами страны мыслятся как европейский незапад, очень разные. А рамка самоидентификации по принципу «мы — другие» предполагает два полюса. Третий полюс — такие же неевропейские Другие — гораздо менее значим. ■